

«УТВЕРЖДАЮ»

Первый проректор
федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Московский педагогический
государственный университет»,
(МПГУ),
академик РАО, доктор географических
наук, профессор

В.П. Дронов

2019 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации – федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет» о диссертации Кузнецовой Екатерины Валентиновны «Трансформация поэтики литературы русского модернизма в доэмигрантском творчестве И. Северянина», представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература

Диссертация Е.В. Кузнецовой представляет собой научно-квалифицированное исследование, посвященное культурному диалогу постсимволизма с его предшественниками на примере поэтической рецепции И. Северянина. Сложность и неоднозначность проблемы литературных взаимодействий, «промежуточность» многих художественных явлений в начале XX века, не сводимых к расхожему представлению о смене одного течения другим, была обозначена еще в работах Вс. А. Келдыша конца семидесятых годов прошлого века. Она стала одним из актуальных направлений научного поиска в отечественном литературоведении, в том числе в трудах ученых

Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, являющихся научной основой реферируемой диссертации.

Поэзия И. Северянина неоднократно привлекала внимание современных литературоведов, начиная с работ В.А. Сапогова и В. А. Кошелева, продолженных трудами В. Н. Терехиной, Н. И. Шубниковой-Гусевой, диссертациями молодых ученых, чьи научные результаты учитываются Е. В. Кузнецовой при формировании концепции исследования Е.В. Кузнецовой. Таким образом, представленная диссертация является этапным исследованием межтекстовых взаимодействий в литературе начала XX века, функций чужого голоса и механизма трансформации поэтики модернизма в поэтическом мире И. Северянина доэмигрантского периода и в свою очередь открывает перспективы дальнейших научных изысканий в этой области. Это свидетельствует о бесспорной **научной значимости** и перспективности диссертации Е. В. Кузнецовой.

Актуальность исследования обусловлена обращением к одной из ключевых и недостаточно изученных проблем литературы XX–XXI века как многонаправленного диалога с классиками и современниками, а также поставленной целью – выявить «технологию» работы И. Северянина с «чужим словом», способы переосмысления символистской поэтики, «модели дистанцирования от устойчивых топосов и поэтологических решений литературного узуса русского модернизма» (с.29).

В результате анализа художественного мира И. Северянина и его восприятия критиками Серебряного века и современной филологической наукой Е.В.Кузнецова выдвинула научную гипотезу, состоящую в том, что основной стратегией И. Северянина является пародийное обыгрывание чужой поэтики для создания собственного оригинального стиля.

Научная новизна диссертации определяется тем, что объектом исследования становится проблема пародийности как способа «перекодирования» символистской поэтики в историко-литературном контексте эпохи и явление пародийности в стихотворных текстах и публичном

образе И. Северянина. В этом аспекте ни пародия в русской литературе Серебряного века, ни творчество поэта не подвергались анализу, хотя предположения о пародийности его поэзии высказывались неоднократно, и диссертантка их учитывает.

Доказательство выдвинутой научной гипотезы и реализация целей и задач исследования потребовали обращения к теории пародии. Е.В.Кузнецова осмысливает пародию в широком аспекте как «стилистико-эстетический феномен литературы и культуры» (с.32), рассматривая пародийность в культуре XX века в качестве одного из двигателей творческого процесса перекодирования канонических образцов, показывая различия между пародийностью и стилизацией, подражанием, эпигонством, что является достоинством диссертации и обуславливает ее **теоретическую значимость**.

Историко-литературное значение представленной диссертации связано с глубоким анализом тех особенностей поэтического языка и стиля И. Северянина, которые создают эффект пародийности и выявляют многослойность текстов поэта и которые ранее не становились объектами изучения.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов и выводов в вузовской практике преподавания истории русской литературы XX века, культурологии, медиасловесности, а также при подготовке диссертационных работ аналогичной направленности, монографий, вузовских учебников.

Методология диссертации. Сочетание теоретических, историко-литературных и культурологических аспектов анализа определило стратегию научного выбора автором диссертации методов анализа поэтических текстов И. Северянина и его сценического образа, способных определить характер межтекстовых взаимодействий: биографического, структурно-семантического, историко-типологического, стилистического, лексико-семантического и др. Теоретической основой исследования являются труды о пародии и пародийности М.М. Бахтина, Ю.Н. Тынянова, В.И. Новикова, А.К. Жолковского,

работы по поэзии Л.Я. Гинзбург, Н.А. Кожевниковой, исследования, посвященные литературному процессу начала XX века – В. М. Жирмунского, Д.М. Магомедовой, В.В. Полонского, О. А. Клинга и других.

Материалом исследования послужили не только стихотворные тексты И. Северянина десятых годов, в первую очередь произведения с доминированием иронии, которые служат доказательством трансформации модернистской поэтики, но и обширный круг прецедентных текстов – «старших» и «младших» символистов, поэтов досимволистской эпохи, массовой литературы, произведений создателей Козьмы Пруткова и капитана Лебядкина. Это обеспечило **доказательность** основных положений и выводов автора диссертации.

Структура диссертации. Работа состоит из Введения, трех основных глав, заключения и списка литературы.

Введение построено достаточно нетрадиционно, совмещая функцию введения и полноценной главы исследования. Оно делится на 5 параграфов, в которых раскрываются основные направления научного поиска автора диссертации: вопросы изучения жизни и творчества И. Северянина; характер связи эгофутуризма с символизмом; способы переосмысления литературной поэтики; пародия Серебряного века и поэзия И. Северянина; и традиционный раздел, в котором раскрываются научная гипотеза, цели и задачи исследования.

Такое деление обусловлено многоаспектностью исследования, хотя и создает впечатление перегруженности.

Глава **«Стратегии публичной саморепрезентации И. Северянина»** посвящена рассмотрению имиджа поэта в глазах публики и критики, анализу генезиса, цели, способов конструирования сценического образа. Автор диссертации обращается к различным мемуарным свидетельствам, высказываниям критиков того времени – от М. Горького и К. Чуковского до Н. Тэффи и Г. Иванова, современным исследователям проблемы масочности, мифа о поэте в литературе Серебряного века. Подробно анализируются сценические амплуа русского денди, эстета, русского Оскара Уайльда и «короля

поэтов», «мэтра» как пример пародийной игры И. Северянина и средства создания им пародийного образа-маски, начиная от «грассирующей» манеры исполнения, «полупения-получтения», сценического костюма до содержания стихов о «красивой» жизни.

Важным является положение диссертанта: создание сценического образа-имиджа в культуре начали еще символисты, примером тому – публичное поведение В.Брюсова и К.Бальмонта. Характеризуя эволюцию восприятия И. Северянина слушателями – от эпигона-подражателя, «брюсовской обезьяны» (З. Гиппиус) до «подражания с преломлением и трансформацией» (с.43), Е. В. Кузнецова указывает на продуманность пародийной стратегии Северянина, шаржирование известных публичных образов, ставших «поэтическим слепком с дендистского стиля жизни в его модернистском изводе» («Пора популяризировать изыски» (с. 44), на «наличие иронической дистанции между биографической личностью и публичным образом (с.46), манифестацию, а не самовыражение, делая вывод, что Северянин и эгофутуристы открывали новую эру «эстрадного существования поэзии».

Соглашаясь с этим выводом, необходимо отметить, что свою – и немалую – роль в этом создании образа эстрадного поэта сыграли кубофутуристы. За исключением ссылки на работу В.Н. Альфонсова, в которой говорится о маске Маяковского как борца с пошлостью и возмутителя спокойствия, кубофутуристическая «эстрада» осталась за пределами внимания Е.В. Кузнецовой. С одной стороны – у кубофутуристов действительно превалировал вызов, «нате!» обывателям (удары гонга в начале и конце выступлений, деревянная ложка в петлице К. Малевича, диванная подушечка на шнуре через шею у А. Крученых), самопрезентация Маяковского как «нахала», «циника», «рекламиста», с другой стороны – знаменитая желтая кофта Маяковского с бантом похожа на блузу художника-«мэтра», «эстета». Все это тоже масочные публичные образы, и способы их репрезентации имеют немало сходства с «технологиями» Северянина, в том числе и установка на рекламу и успех. Статья В. Маяковского «О разных Маяковских» (1915) обнажает ту же

осознанность его стратегии, ту же шаржированность публичного образа, что и у Северянина, при их различном смысловом наполнении, ту же дистанцию между «разными Маяковскими». Чуть позже по пути создания сценического образа пойдет, но с другой целью и другим смысловым наполнением, и «крестьянская купница» (всегдашний крестьянский костюм Н. Клюева, гетры-валенки, а потом и цилиндр С. Есенина). Разумеется, при насыщенности и большом объеме работы невозможно углубляться в эти взаимосвязи, но наметить пути дальнейшего исследования проблемы самопрезентации в футуристическом движении было необходимо. Также не хватает и эгофутуристического контекста, обращения к другим представителям этого течения, раз уж во введении диссертации говорится не только о Северянине, но и эгофутуристическом поэтическом дискурсе.

В центральной главе **«Трансформация мотивов и топосов литературы модернизма в творчестве И. Северянина»** рассматривается влияние сценического амплуа на тематику и поэтику Северянина. Объектом исследования становятся ипостаси лирического героя-сверхчеловека, иронические макрообразы «вдохновенного поэта», антонимической пары «король»/«шут (паяц)»; образ Миррэлии как страны грёз; топосы города и усадьбы; любовная лирика, переосмысление религиозно-философского дискурса модернизма, мотивы смерти и страдания, трансформация мифотворчества К. Бальмонта.

При анализе масок вдохновенного поэта-гения, короля и шута, связанных в символизме с поэтом-творцом, раздвоенным между бытом и бытием, сознательно спроецированных на поэзию В. Брюсова, К. Бальмонта, Ф. Сологуба, значимыми для понимания механизма трансформации являются выводы Е. В. Кузнецовой о контаминации образов («царственный паяц») и существовании двух планов (самоутверждение и саморазоблачение), двух голосов – авторского и голоса текстов-предшественников, а также выделение приемов иронического снижения: трафаретный набор образов, лишенных сакрального смысла и ставших штампами, их сгущенность, немотивированные

скачки мысли, умолчания, повышенная экспрессивность, смешение стилей и лексики, мотивы «гения» и «черни», «поэта» и «толпы», абсурдизм самовосхваления, демонстративно-ироническое сравнение себя с Христом, с известными культурными героями от Нерона до Наполеона, («Интродукция. Триолет», «Эго-рондола», «Эпилог», «Эгополонез», «Поэза возмездия», «Валерию Брюсову» и «Самогимн», «Поэту», «Увертюра» и др.).

Интересны наблюдения над приемом реализации метафоры, овеществления переносного значения поэтических формул («аккорды лиры»), снижения бытийного до бытового, что приводит к профанированию высокого. Было бы интересно сопоставить этот прием овеществления с подобным ему у раннего Маяковского (картина «пожара сердца» в «Облаке в штанах»).

Возвращение словам их предметного смысла через снижение оказывается семантически значимым средством и при создании северянинской Миррэлии, аналога сологубовской страны Ойле, лишенной сакрального смысла. Это наглядно демонстрируется автором диссертации при сопоставлении стихотворения Ф. Сологуба «На Ойле далекой и прекрасной...» (1898) с северянинским «В Миррэлии».

Большой интерес вызывает рассмотрение иронического преломления утопических топосов города и «усадебного текста» русской классической литературы в поэзии Северянина, который позволяет вписать творчество Северянина в круг проблем, связанных с утопическим сознанием и его неоднозначной рецепцией в литературе XX века.

Любовную лирику Северянина, которая становится объектом исследования в третьем параграфе второй главы, Е.В. Кузнецова рассматривает как «пародийное заострение любовной тематики в различных литературных произведениях (как стихотворных, так и прозаических) начала XX века» (с. 106). В ней присутствует тенденция к ироническому дистанцированию от стиля классической русской лирики XIX века, женской поэзии, эротической лирики и массовой женской лирики начала XX века.

Наряду с дистанцированием Е.В. Кузнецова отмечает появление фарсовой интонации и нового пародийного жанра, так называемых «общих пародий», в которых проявляется лишь общая ориентация на традицию без отсылки к конкретному тексту.

В результате анализа любовной лирики Северянина доэмигрантского периода Е. В. Кузнецова приходит к выводу, что в ней иронически переосмыслена традиция русского романса, элегии, присутствует набор клише популярной массовой литературы рубежа столетий, в том числе бульварного романа, ведется пародийный диалог с эротической лирикой В. Брюсова и К. Бальмонта («Гашиш Нефтис» и др.). **Научно перспективным** является обращение к поэтике первых немых фильмов, которая получает ироническое отражение в любовной лирике И. Северянина.

Но в ряде стихотворений («В березовом коттедже») пародийный план сопрягается с лирико-исповедальным, возникает ощущение подлинности чувств, в результате чего рождается лиро-ироническое произведение: «Подлинные чувства и реальные воспоминания автора могут быть выражены им в форме иронично обыгранных шаблонов любовной лирики предшественников» («Ушедшая весна», «В ней будет опять...») (с. 110).

Научно значимым является анализ Е. В. Кузнецовой функционирования «религиозно-философского дискурса модернизма» в лирике И. Северянина. Апокалиптические мотивы, ключевые концепты, высокая лексика в «Поэзе не для печати» и других стихотворениях иронически обыгрываются, превращаются в набор штампов, не имеющих сакрального смысла. Достаточно подробно описаны профанирование декадентского мистицизма Бальмонта, мотивов смерти» и страдания, проповеди «всепрятия» в его лирике, а также иронические имитации философии «мгновения» К. Бальмонта.

Помимо анализа механизма пародирования, Е. В. Кузнецова делает очень важное заключение о создании «коллажной поэзии нового типа из чужеродного, по своему происхождению, словесного арсенала. Ключевые понятия (слова-сигналы), освобождаясь от сакрального смысла, становятся материалом,

пригодным для комбинирования любых новых текстов» (с.136). Это позволяет связать языковую игру Северянина с орнаментальной прозой двадцатых годов, с поэзией постмодернизма.

В главе третьей «**”Литературность” модернизма и пародийная традиция**» анализируются некоторые особенности стиля Северянина и «технические приемы», которые связаны с пародированием символистской стилистики, гротеском, травестированием, поэтикой «сдвига», жанровыми поисками и пародированием жанровых моделей. В главе много интересных наблюдений над цветописью, клишированными образами, использованием опыта пародийных графоманов Кузьмы Пруткова и капитана Лебядкина, «упойтельного шаблона», восходящего к поэзии К. Фофанова, которая, с одной стороны, превращает отдельные стихотворения в «многоуровневую цитату» («Октябрь»), а с другой, благодаря узнаваемости стихи могут выходить за рамки пародии, отражая подлинные чувства автора и эстетически воздействуя на читателя («Новогодняя элегия»). Раздел о пародийной личности Северянина развивает положения первой главы, переводя их на уровень поэтики, раскрывая способы и приемы создания маски гипертрофированного авторского «Я» и его лики.

Заключение, в котором сформулированы итоги проделанной работы и выводы исследования, еще раз убеждает, что диссертанту удалось решить поставленные задачи и обосновать выдвинутые на защиту положения. Анализ культурного диалога между разными поэтическими системами модернизма, широкий историко-литературный контекст являются залогом того, что результаты исследования Е.В. Кузнецовой могут быть востребованы филологической наукой для дальнейшего осмысления большого круга проблем, связанных не только с взаимоотношениями постсимволистов с предшественниками, но и более глобальных – традиций и новаторства, рецептивной поэтики, интертекстуальности, наконец, самопрезентации, так как художественный материал, анализируемый соискателем, репрезентативен для выявления общих тенденций литературного процесса XX–XXI вв.

Общий объём списка литературы составляет 275 наименований, в том числе приводятся зарубежные работы. Использование и осмысление источников, подтверждающих положения диссертации, способствовало более эффективному литературоведческому анализу.

В целом работа выполнена технически корректно, сохраняется единообразие в библиографическом описании.

Отмеченные в ходе реферирования замечания являются, скорее, пожеланиями и импульсом к дальнейшим исследованиям, не снижают значимости полученных результатов и не влияют на общую положительную оценку диссертационного исследования.

Подводя итог, следует сказать, что диссертация Кузнецовой Екатерины Валентиновны «Трансформация поэтики литературы русского модернизма в доэмигрантском творчестве И. Северянина», представленная к защите на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература, является завершённой и актуальной научно-квалификационной работой, в которой находят успешное решение актуальные научные задачи, значимые для исследования художественной специфики русского модернизма и литературы Серебряного века в целом.

Положения, выносимые автором на защиту, получили своё подтверждение в ходе проведённого исследования и сформулированы в выводах.

Автореферат достаточно полно передаёт актуальность, новизну, структуру и содержание представленной диссертационной работы. Основные результаты научного исследования апробированы на научных конференциях и аспирантских семинарах, а также отражены в 10 публикациях, в том числе 7 из которых напечатаны в журналах, рекомендованных ВАК РФ.

По актуальности, научной новизне, объёму выполненных исследований и практической значимости представленная диссертация «Трансформация поэтики литературы русского модернизма в доэмигрантском творчестве И. Северянина» соответствует требованиям пунктов 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого Постановлением

Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842 (в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 02.0.2016 г. №748), а ее автор, Кузнецова Екатерина Валентиновна, заслуживает искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «Русская литература».

Отзыв подготовлен Пономаревой Татьяной Александровной, доктором филологических наук, профессором кафедры русской литературы XX-XXI веков Института филологии Московского педагогического государственного университета.

Отзыв обсуждён, одобрен и утверждён на заседании кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Московский педагогический государственный университет», протокол № 7 от 25 января 2019 г.

Заведующий кафедрой
русской литературы XX-XXI вв.
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Московский педагогический
государственный университет»
Трубина Людмила Александровна

Контактная информация:
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»
Адрес: 199991, г. Москва, ул. М. Пироговская д. 1, стр. 1.
Телефон: +7(499) 246-57-12
Электронная почта: ruslit20@mpgu.su

С основными публикациями профессорско-преподавательского состава кафедры русской литературы можно ознакомиться: <http://elibrary.ru>;
<http://mpgu.su/ob-mpgu/struktura/faculties/institut-filologii/struktura/kafedry/kafedra-russkoy-literaturyi-XX-XXI-vv.>

